

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

О КУЛЬТАХ БАКТРИИ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ

Наиболее подробно разработана история тех религий древнего мира, которые дожили до наших дней, сохранив не только богатую письменную традицию, но и практику церковного ритуала и повседневной обрядности (буддизм, христианство). Представления о многих мертвых религиях восстановлены на основе письменных источников («Авеста» в зороастризме) часто в сочетании с памятниками археологии и изобразительного искусства (культы и мифы Египта, Месопотамии, греко-римского мира). Но иногда лишь искусство и археологические данные служат единственным фондом к реконструкции религиозных воззрений целых стран. К ним относится, в частности, Бактрия.¹

Начало выяснению состава божеств и культов Греко-Бактрийского царства и Кушанской империи (в их широких границах — от Амударьинского оазиса до долины Инда и Ганга) было положено свыше столетия тому назад благодаря обширным монетным сборам, на базе которых выдающимися нумизматами XIX — начала XX в. был основан прочный фундамент для познания проблемы. Поэтому в дальнейшем, отсылая читателя к богатой литературе¹, не будем подробно останавливаться на нумизматических данных, ограничившись лишь перечнем некоторых установленных на этой основе фактов. Но нумизматика далеко не исчерпывает предмета, особенно в отношении собственно Бактрии в ее географических границах верхнего и среднего бассейна Амударьи. Между тем существенно новые материалы были получены работами археологических экспедиций на территории Афганистана, Узбекской и Таджикской ССР, в особенности за послевоенные десятилетия. В частности, определенный вклад внесен Узбекстанской искусствоведческой экспедицией в процессе исследований памятников Южного Узбекистана. На этих материалах, проливающих свет на интересующую нас проблему, мы преимущественно и остановимся в настоящем очерке, ставящем целью опыт обобщения данных о культах Бактрии со времени образования Греко-Бактрийского царства и до крушения государства Великих Кушан (III в. до н. э. — III в. н. э.).

Судя по монетным изображениям III—II вв. до н. э., в период владычества греческих и греко-бактрийских монархов в среде правителей и их грецизированного окружения получает официальное государственное признание эллинский пантеон, в котором каждый государь избирает себе божественных покровителей (одного или нескольких).

¹ Сошлемся лишь на основные каталоги: H. W i l s o n, *Ariana Antiqua*, L., 1851; P. G a r d n e r, *The Coins of the Greek and Scythic Kings in Bactria and India in the British Museum*, L., 1897; A. C u n n i g h a m, *Coins of the Indo-Scythians*, L., 1888—1892; V. A. S m i t h, *Catalogue of the Coins in the Indian Museum*, Calcutta, Oxf., 1906; E. J. R a p s o n, *Catalogue of the Coins of the Andra Dynasty ...*, L., 1908; R. B. W h i t e h e a d, *Catalogue of Coins in the Punjab Museum*, Lahor, vol. I, Oxf., 1914; E. В. Зеймаль, *Монеты Великих Кушан в собрании Государственного Эрмитажа*, «Труды Гос. Эрмитажа», т. IX, 1967.

На территории собственно Бактрии находки греко-бактрийских монет зарегистрированы начиная от Диодота и до Гермея (особенно содержателен в этом отношении огромный по составу Кундузский клад)². В числе божество-покровителей основными были Зевс, Диоскуры, Геракл, Аполлон, Афина, Артемида, Ника, Дионис, Посейдон, Тихе³. Надписи на монетах греческие, иконография богов целиком следует статуарным шедеврам греческого ваяния IV—II вв. до н. э., особенно школы Лисиппа, которые выполнялись в эллинистических мастерских в больших и малых копиях и вывозились далеко за пределы Эллады. Так, «отдыхающий Геракл» на греко-бактрийских монетах повторяет знаменитую бронзовую статую Лисиппа, к кругу этого мастера восходят скачущие на конях Диоскуры, образ Аполлона напоминает Савроктона Праксителя, а Посейдон подобен колоссальной статуе морского бога с о-ва Мелоса⁴.

Образцами для воспроизведения божеств на монетных кружках могли послужить для резчиков штемпелей монеты, медали, металлические эмблематы, попадавшие в Бактрию из коренных эллинистических областей. Но это могли быть и монументальные статуарные образы — копии выдающихся произведений греческого ваяния, привозившиеся в Бактрию и устанавливавшиеся в местных храмах. Подтверждением тому служат недавние находки мраморных статуй в Ай-Ханум, крупном греческом городе, основанном у слияния Кокчи с Амударьей (Кундузская провинция, Афганистан). При раскопках храма здесь обнаружена мраморная ступня огромной мужской ноги в нарядной сандали, принадлежавшая скорее всего фигуре Зевса⁵; мраморная герма бородатого мужа классицирующего стиля⁶; небольшая статуя нагого Диониса в венке из плюща⁷. Из названных три изваяния, судя по материалу, привозные, что же касается фигуры Диониса, изваянной из теплого по тону мраморовидного известняка и недоработанной со спины, то она, возможно, выполнена была на месте, но явно греческим мастером.

В пору эллинизации Бактрии сюда, помимо чисто греческих, проникают и ближневосточные культы. В храме на Ай-Ханум недавно была сделана уникальная находка: на серебряном с позолотой диске выполнена в барельефе сложная изобразительная композиция: упряжка двух львов, управляемых крылатой Никой, везет колесницу, в которой стоит фронтальная фигура Кибелы в характерном для нее калафе и драпирующихся одеждах, плотно окутывающих торс; позади жрец с опахалом, впереди на уступчатой башне или кафедре — другой жрец, простирающий к богине руки, творя обряд; сверху полумесяц, звезда и голова Гелиоса в лучистом нимбе как воплощение солнца⁸. Содержание композиции расшифровывается почти во всех деталях, неясно лишь одно — изображена ли в колеснице сама Кибела или ее статуя? Скорее последнее. Думается, что ай-ханумский диск фиксирует важное событие — привоз в Бактрию монументальной статуи Кибелы в основанный ее поклонниками храм, причем акт этот весь насыщен символами и аллегориями: могучие львы Кибелы и богиня Победы обеспечивают триумфальное продвижение в далекую Бактрию нового вероисповедания, а жрецы — один, сопровождая статую на ее долгом пути, другой, торжественно встречая ее прибытие, способствуют этому и практическими деяниями и ритуальным действием, в то время как великие светила — Солнце, Луна, Звезды — ниспосылают с неба свой свет.

² R. C u r e i l, G. F u s s m a n, Le trésor monétaire de Qunduz, MDAFA, XX, P., 1965.

³ Помимо перечисленных в прим. 1 монетных каталогов см. К. В. Т р е в е р, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940; M. Th. A l l o u c h e l l e - P a g e, L'art monétaire des royaumes bactriens, P., 1956.

⁴ Т р е в е р, Памятники ..., стр. 39, 117 сл.; Г. А. П у г а ч е н к о в а, Л. И. Р е м п е л ь, История искусств Узбекистана, М., 1965, стр. 57 сл.

⁵ P. B e r n a r d, Quatrième campagne de fouilles à Ai-Khanoum (Bactriane), CRAIBL, 1969, стр. 338 сл.

⁶ P. B e r n a r d, Ai Khanoum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia, «Proceedings of the British Academie», vol. LIII, 1967, стр. 90, табл. XIX—XX.

⁷ B e r n a r d, Quatrième campagne ..., стр. 341. сл.

⁸ P. B e r n a r d, Campagne de fouilles 1969 à Ai Khanoum en Afghanistan, CRAIBL, 1970, стр. 340 сл.

В какой мере прижился на бактрийской почве культ Кибелы как таковой, пока неизвестно. Но несомненно, что ее скульптурный образ (в виде больших ли статуй или малых вотивных фигурок) оказал влияние на иконографию тех локальных великих бактрийских богинь, о которых речь пойдет ниже⁹. Возможно, что уже в греко-бактрийское время в Бактрию проникает и культ другой малоазийской богини Наны-Нанайи.

В III—II вв. до н. э. на почве Бактрии культы эллинских и ближневосточных эллинизированных божеств были, очевидно, восприняты в основном придворным окружением греко-бактрийских монархов. Но несмотря на официальное признание (запечатленное строительством храмов и монетным чеканом), они едва ли получили широкое распространение не только среди простого народа, но и среди местной знати. Господствовали здесь иные, более стойкие локальные культы. И лишь те из привнесенных в период эллинизации Бактрии божеств, которые со временем семантически слились с местными культами, задержались в подобном синтезе на века. В эпоху Кушан одни из них еще сохраняют свои имена, а другие — художественно-образное воплощение. Так, Ника, Геракл, Афина входят в скульптурные композиции раннекушанского дворца в Халчаяне как божества-покровители династии Гераева рода¹⁰, но Афине здесь приданы особенности местного костюма и вооружения, облик же ее воспроизводит почти бытовое лицо какой-то саганиянской дамы, может быть представительницы того же правящего дома¹¹. Что касается Ники, то в золотом чекане Хувишки крылатая богиня Победы сливается с авестийской Ваниндой. Еще значительно раньше на монетах Герая она венчает конного царя, а в памятниках Северной Бактрии предстает в монументальной скульптуре (Халчаянский дворец) и в коропластике (медальон с тронной сценой из Халчаяна, статуэтка из Зар-тепе)¹². Эллинские божества, еще сохранившие свои имена, но уже отождествленные с божествами авестийского круга, предстают в немногочисленных образцах чекана Канишки — это Гелиос (солнечное божество, слившееся с Митрой), Селена (как женская пара лунного бога Мох'а), Гефест (синтезированный с богом огня Атпо); у Хувишки фигурируют также Геракл и Серапис.

Страна ираноязычного населения, Бактрия, лежала в восточном крыле тех областей, где в древности слагались мифы и верования, вошедшие в свод наиболее ранних частей Авесты. Вместе с тем хотя в литературе и выдвигалось предположение о том, что Бактрия была родиной зороастризма, никаких археологических данных, подтверждающих распространение здесь ортодоксального учения Зороастра, пока не отмечено, но древним и стойким было почитание ряда божеств авестийского пантеона¹³.

⁹ Влияние статуйной иконографии Кибелы уже отмечалось нами в отношении одной из групп терракотовых статуэток Маргианы (см. Г. А. Пугаченкова, Маргианская богиня, СА, XXIX—XXX, 1959; она же, Коропластика древнего Мерва, «Труды Южно-туркменистанской археол. комплексной экспедиции», т. XI, Ашхабад, 1952). Возражение Г. А. Кошеленко основывалось на том, что для Кибелы присуще изображение богини, восседающей на троне (см. Г. А. Кошеленко, О западных влияниях в терракоте Маргианы, в кн. «Культура античного мира», М., 1966, стр. 108), но ай-ханумский диск наглядно свидетельствует, что наряду с Кибелой на троне существовал и образ Кибелы стоящей, который проник на среднеазиатскую почву.

¹⁰ Г. А. Пугаченкова, Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966, стр. 160 сл., 183 сл.; она же, Скульптура Халчаяна, М., 1971, стр. 41 сл., 76 сл.

¹¹ Г. А. Пугаченкова, Халчаянская Афина, ВДИ, 1963, № 2, стр. 155 сл.

¹² О Нике и Ванинде в бактрийском и кушанском искусстве см. G o b l e t d' A l v e l l a, Ce que l'Inde doit à la Grèce, P., 1926, стр. 20; Т р е в е р, Памятники ..., стр. 64 сл.; Г. А. Пугаченкова, Образ Чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна, ВДИ, 1962, № 2; она же, Халчаян, стр. 185 сл.; она же, Скульптура Халчаяна, стр. 44.

¹³ Вопросы кушанского пантеона (в границах Кушанской империи в целом), по данным монетных изображений, помимо упомянутых в прим. 1 нумизматических каталогов, анализируются в ряде других работ, например. К. В. Т р е в е р, Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан) (К вопросу о кушанском пантеоне), «Труды Гос. Эрмитажа», т. II, 1958; J. R o s e n f i e l d, The Dynastic Art of the Kushans, Berkley and Los Angeles, 1967, и др.

Официальное признание их при Кушанах демонстрирует чекан Канишки и Хувишки. Отметим, что в составе находимых в Бактрии медных монет этих правителей (а они принципиально важней в свете нашей темы, нежели золотые, так как выпускались в основном не для международной торговли, а для местного обращения и, следовательно, с учетом наиболее распространенных местных культов) преобладают монеты с изображениями Вадо — бога ветра и вообще воздушной стихии; Атшо и Фарро — воплощений огня; Окшо (в имени его запечатлен Вахш = Окс = Амударья. Хотя изобразительно Окшо нередко сливается с Шивой) — водная стихия; Ардохшо, чье имя того же корня, — богиня изобилия, ипостась воды и щедрой матери-земли; Нана, которую исследователи также сближают с водой¹⁴; Михр — солнечное и Мох — лунное божество. Таким образом, все они связаны с идеей четырехэлементных стихий и великих светил космогонии Авесты.

В империи Великих Кушан формируется официальный государственный династический культ. Его возникновение было связано не только с осознанием нарастающего международного могущества Кушан, но и с древним культом тех степных предков, из которых вышел сам их род.

После появления со II в. до н. э. в Бактрии сако-юеджийского контингента среди населения здесь получают распространение терракотовые статуэтки всадника на коньке¹⁵. Находками их изобилуют все кушано-бактрийские городища, а недавно в Саксанохуре (Южный Таджикистан) обнаружен квартал керамистов, где статуэтки эти изготовлялись наряду с фигурками бактрийской богини¹⁶. Терракотовые всадники изредка выполнялись отливкой с матриц, обычно же вылеплены от руки и имеют вид грубоватого идоличка, восседающего на столь же схематично выполненных лошадаках. Они воплощали некий обоготворенный, абстрактный, далекий от следования натуре идолоподобный образ чтимого предка, отображающий черты степного эпоса и мифологических воззрений так называемых скифских народов Средней Азии. Тема героизированного царственного всадника заявляет себя в монетном чекане первых кушанских правителей — Герая и Куджулы Кадфиза (в группе «Сотер Мегас»).

В последующем на лицевой стороне монет Вимы Кадфиза, Канишки, Васудевы I изображается царь, стоящий у алтаря, совершая обряд почитания того божества, образ которого передан на обороте: он как бы соединяет функции государя и первосвященника. Тема прославления царского рода предстает в скульптурных композициях Халчаянского дворца; возможно, что это здание светского характера, благодаря портретным статуям Гераева рода Кушан, со временем приобрело значение Дома обоженных предков. Но уже при Канишке воздвигается особый династический храм в Сурх-Котале, где статуи царей, в том числе самого Канишки (фрагменты их найдены при раскопках) соседствуют со статуями богов (о них упоминается в знаменитой сурх-котальской надписи Ноканзоко). Изолированный храм огня в этом архитектурном комплексе располагался за стеной, ограждавшей двор, в центре которого возвышалось святилище Канишки¹⁷.

Неизвестно пока, почитали ли кушанских царей как богоравных (подобно тому как в Риме, начиная с Августа, императорам присваивался эпитет «божественный»), или они рассматривались как символ обожествления царской власти как таковой. Но сооружение при Канишке величественного храма «боголагго», посвященного бак-

¹⁴ Отождествление Наны-Нанайи-Нанамах кушанских монет с Анахитой, широко вошедшее в литературу, по существу остается недоказанным. Вообще представляется преувеличенной роль, которую Анахит якобы играла в Средней Азии. Но это предмет особой дискуссии.

¹⁵ Г. А. Пугаченкова, Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана, в кн. «Новое в советской археологии», М., 1965.

¹⁶ Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов, Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан), СА, 1969, № 2, стр. 167.

¹⁷ О Сурх-Котальском храме см. D. Schlimmberger, Le temple de Surkh Kotal en Bactriane, JA, CCXL, 1952; CCXLII, 1954; CCXLIII, 1955; CCLII, 1964; он же, L' Orient hellénisé, P., 1970, стр. 60 сл. Дешифровку сурх-котальской надписи В. А. Лившицем см. в кн. В. М. Массон и В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 192—193.

трийским богам в Сурх-Котале, как и буддийского «девакула» в Матхуре (воздвигнутого им же или еще Вимой Кадфизом, когда Канишка был лишь наследным принцем) знаменует акт официального утверждения и пропаганды культа царствующей династии в бактрийских и индийских владениях Кушан¹⁸.

Завоевание Индии имело одним из своих последствий распространение на территории Бактрии буддизма. Число буддийских памятников, открываемых здесь археологами, все возрастает. В Афганистане упомянем ступы кушанского времени Шахри-Фалак и Тепе-Рустам в Балхе¹⁹, «платформу статуй» в Сурх-Котале²⁰, рельефы из Кундуза и Баглана²¹, в Южном Узбекистане — святилище на Дальверзин-тепе, ступу Зурмала²², пещерный монастырь Кара-тепе²³, наземную сангараму Фаяз-тепе в Термезе²⁴, остатки двух буддийских комплексов в Айр-таме²⁵, святилища на Дальверзин-тепе²⁶.

Все эти памятники свидетельствуют об успехах пропаганды обосновавшихся на бактрийской почве буддистов, о привлечении ими в число адептов религии Будды местного населения. И все же нет оснований преувеличивать роль буддийских верований в бактрийской среде. Косвенным показателем этого служит тот факт, что в числе терракот (а это был наиболее общедоступный для народа род пластических культовых изображений) в различных пунктах Бактрии найдено менее десятка фигурок будд и бодисатв²⁷, в то время как статуэтками, связанными с местными культами, изобилуют все бактрийские городища.

Другие индийские религии в Бактрии распространения не получили. Несмотря на официальное признание Шивы как верховного божества — покровителя Вимы Кадфиза и Васудевы I, что засвидетельствовано монетами обоих царей (они в большом числе встречаются и на бактрийско-кушанских городищах), шиваизм как таковой здесь не прижился. Возможно, что Вима Кадфиз и пытался утвердить его по обе стороны Гиндукуша. Но как показывают монеты Канишки и Хувишки, четырехрукий Шива индийской иконографии растворился в бактрийском божестве Амударьи — Окшо, утратив даже свое имя.

Уникальным остается пока гипсовый барельеф из Сузма-Калы (Северный Афганистан), изображающий трехликое божество с полунагим торсом, палицей, трезубцем и львиной шкурой²⁸: странный синтез эллинского Геракла и индийского Тримурти.

¹⁸ Примечательно, что статуя сидящего Вимы Кадфиза героизирована: она значительно больше натуральных человеческих размеров, в то время как фигура Канишки и головы других кушанских принцев из Матхурского святилища лишь немного их превышают (см. J. Ph. Vogel, *La sculpture de Mathura*, «*Ara Asiaticque*», vol. XV, Paris et Bruxelles, 1930).

¹⁹ С. Е. Yate, *Northern Afghanistan*, Edinburg — London, 1898, стр. 255 сл.; А. Foucher, *La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila*, MDAFA, I, 1942, стр. 83 сл.

²⁰ D. Schlumberger, *Le temple de Surkh Kotal*, III, JA, 1955, стр. 275 сл.

²¹ K. Fischer, *Gandharan Sculpture from Kunduz and Environs*, «*Artibus Asiae*», XXI, 1959; В. Dagens, *Fragments de sculptures inédits*, MDAFA, XIX, 1964, стр. 36 сл.

²² Г. А. Пугаченкова, *Две ступы на юге Узбекистана*, СА, 1967, № 3, стр. 257 сл.

²³ Т. В. Грек, Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставиский, *Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе*, М., 1964; *Буддийские пещеры Кара-тепе в старом Термезе* (под ред. Б. Я. Ставиского), М., 1969.

²⁴ Л. И. Албаум, *Буддийский храм Фаяз-тепа*. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г., М., 1972, стр. 270 — 271.

²⁵ М. Е. Массон, *Скульптура Айртама*, «*Искусство*», 1935, № 2, стр. 129 сл.; М. И. Вязмитина, *Раскопки на городище Айртам*, ТАКЭ, II, стр. 23 сл.; Пугаченкова, *Две ступы ...*, стр. 262 сл.; Б. А. Тургунов, *Итоги изучения Айртама*, «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.», М., 1972, стр. 290 — 291.

²⁶ Г. А. Пугаченкова, *Новое в изучении Дальверзин-тепе*, СА, 1971, № 4, стр. 196 сл.

²⁷ Статуэтки из Термеза, Барат-тепе, Караул-тепе, Ак-кала (Северная Бактрия).

²⁸ K. Fischer, *Neue Funde und Forschungen zur indische Kunst in Arachosien, Bactrien und Gandhara*, «*Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Archäologischer Anzeiger*», 72, 1957.

Представления о бактрийском пантеоне заметно расширяют изделия короластики, служившие одним из массовых средств культовой пропаганды. Терракотовые статуэтки из Согда, Бактрии, Маргианы, Хорезма уже составляют целый раздел в истории древнего искусства Средней Азии, отображая в то же время существо наиболее распространенных народных верований. Вероятно, в Бактрии в глубокой древности в каждом районе существовали свои локальные, хотя во многом и сходные культы. Но ко времени формирования крупных этнополитических общностей, особенно в системе централизованных государств — Ахеменидском, Греко-Бактрийском, Кушанском, происходит выделение круга основных божеств в цикле неких собирательных образов.

Наибольшее распространение в народе имел культ, который можно объединить под условным наименованием культа Великой бактрийской богини. Как и в иных странах древнего мира он восходит к почитанию богини-матери, но в античную пору это не единое универсальное божество, а скорее ряд богинь, наделенных теми или иными сакральными функциями (подобно тому как в греческом пантеоне чтились Гера, Афина, Деметра, Афродита и др.).

Раскрыть их существование на основе одних лишь терракот крайне затруднительно, хотя косвенным указанием служат иногда некоторые детали и атрибуты. Выше были названы официально признанные кушанские богини — Нана, Ардохшо, Ванинда, Селена. Терракоты позволяют выделить и иных, чьи имена пока неизвестны. Архаизирующий тип Великой бактрийской богини представлен в цикле статуэток, изображающих нагую женщину в строго фронтальной позе, с руками, вытянутыми вдоль туловища, но иногда покоящимися у лона и у груди. Он явственно сближается с образами древневосточного искусства²⁹. Такие статуэтки найдены на многих античных городищах Бактрии: Зар-тепе, Халчаяне, Дальверзин-тепе, Барат-тепе (Южный Узбекистан)³⁰, Балхе, Шахри-Бану (Северный Афганистан)³¹; к той же группе относятся и костяная фигурка-амулет из Халчаяна³². Эти нагие фигурки датируются III—II вв. до н. э. Позднее в Бактрии встречается иной род обнаженных женских фигурок: в тяжелых ожерельях, браслетах на руках и ногах. Их немного, и они, вероятно, следуют индийской иконографии, будучи занесены в Бактрию с буддизмом.

Уже в греко-бактрийское время в бактрийской короластике преобладает образ богини в плотных одеждах, иногда стоящей, чаще сидящей с каким-либо атрибутом в руке. Одевание ее — платье, ниспадающее густыми складками, и накинутая на плечи мантия, окутывающая руки — явно сближается с эллинистической туникой и гиматием, в частности с одеждой Кибелы на упомянутом рельефе из Ай-Ханум. Такова одежда на терракотах из Кейкобадшаха, Халчаяна, Дальверзин-тепе, Куль-тепе, Барат-тепе, Зар-тепе, Термеза, Балха, Шахри-Бану³³. На других терракотах — одежды каких-то местных покровов. Так, терракотовые статуэтки из Саксанохура и Емши-тепе, статуэтка-амулет из Дальверзин-тепе имеют

²⁹ M. V a r g e t, *Figurines et reliefs en terre cuite de la Mésopotamie antique*, P., 1968, стр. 230 сл., табл. XXXII—XLIV.

³⁰ Л. И. А л ь б а у м, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 29; П у г а ч е н к о в а, Халчаян, стр. 218 сл.; о н а ж е, Скульптура Халчаяна, стр. 87 сл. Четыре статуэтки из Барат-тепе — из находок Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (далее — УзИскЭ) 1969 г. (не опубликованы).

³¹ J. C a r l, *Fouilles dans le site de Shahri-i-Banu et sondages au Zaker-tépé*, MDAFA, VIII, 1959, стр. 70, рис. 214, 216; J. C. G a r d i n, *Céramique de Bactres*, MDAFA, XV, стр. 61, табл. XII.

³² П у г а ч е н к о в а, Халчаян, стр. 218.

³³ А. М. М а н д е л ь ш т а м и С. Б. П е в з н е р, Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., МИА, № 66, 1958, стр. 110; А л ь б а у м, Балалык-тепе, стр. 28 сл.; П у г а ч е н к о в а, Халчаян, стр. 221 сл.; В. А. М е ш к е р и с, Терракоты из Кара-тепе, в кн. «Буддийские пещеры Кара-тепе в старом Термезе», М., 1969, стр. 127 сл., рис. 23—25; С а г л, ук. соч., стр. 69 сл.; G a r d i n, ук. соч., стр. 55 сл., табл. X. Упомянутые статуэтки из Куль-тепе, Дальверзин-тепе, Барат-тепе — из недавних находок УзИскЭ (не опубликованы).

платье в расходящихся веером складках³⁴, а сидящая богиня на оттисках с матрицы из Шор-тепе облачена в тяжелую одежду, покрытую рельефными бляшками³⁵. Общей для великих богинь всей Бактрии является сидячая или стоячая фронтальная поза. Региональные отличия (иногда весьма существенные) отображены в деталях одежд, головных уборов, украшений, в трактовке овала и черт лица (подробные описания потребовали бы многих страниц). Вместе с тем в пределах единого района господствует лишь несколько стойких иконографических типов, которые, очевидно, отражают в одних случаях сосуществование нескольких чтимых богинь, а в других — эволюцию их образов во времени.

Находки статуэток Великой бактрийской богини в жилых и хозяйственных помещениях свидетельствуют о ее широком почитании, особенно среди женщин. Богиня эта, очевидно, была в той или иной мере связана с покровительством животворящим силам природы и человеческой семье, общему правопорядку и домашнему благоденствию и этим она ближе всего к авестийской богине Аши-Ванухи³⁶, которая, по заключению Н. Ниберга, проанализировавшего тексты Авесты, была коренным божеством Амударьинского оазиса (Бактрии) и Мургаба (Маргианы)³⁷. Иконография же основной группы бактрийских статуэток наиболее сходна с Ардохшо кушанских монет. Видная роль Ардохшо в официальных культах Великих Кушан засвидетельствована чеканом Канишки и Хувишки, где она показана в виде стоящей величавой женщины в тунике и мантии, с рогом изобилия в руках. В чекане Васудевы II, где Ардохшо фигурирует как единственное и, очевидно, особенно почитавшееся этим царем божество, она изображена восседающей на троне.

Имя богини Ард-охшо (или Орд-охшо) явственно восходит к Вахшу-Оксу-Амударье, свидетельствуя о ее семантической связи с великой полноводной рекой Бактрии. Рог изобилия у Ардохшо на монетах — это атрибут ее официальной иконографии, почерпнутый из греко-римского ваения, где он обычен для греческой Тихе и римской Фартуны. В массовых же изделиях бактрийской коропластики в разных районах атрибуты в руках Великой богини варьируют. В числе их сосуд, плод, зеркало, венец, цветок и еще какие-то трудно различимые благодаря обобщенности их передачи предметы.

О популярности Ардохшо в Бактрии, помимо терракот, свидетельствует ныне ряд иных скульптурных изображений. Такова небольшая каменная статуя богини на троне с отбитыми головой и руками из городища Куль-тепе (в 20 км от Дальверзин-тепе)³⁸. Но особый интерес представляет открытие сакральной скульптуры и живописи в здании под шифром ДТ-7, расположенном в северной части Дальверзин-тепе³⁹, этого крупнейшего античного города в долине Сурхандарьи, по-видимому, первоначальной столицы Кушан. Скульптура (выполнена из глины, сохранилась окраска) и живопись располагались сверху небольшого и узкого центрального помещения, напротив входа. И хотя они дошли до нас лишь в виде отдельных фрагментов, основная композиция изображений восстанавливается следующим образом. В глубокой нише, наверху, располагалась круглообъемная статуя сидящей богини. У нее полное лицо с правильными чертами и массивная шея женщины в годах, над невысоким лбом — белая лента, волосы плотными прядями обрамляют лицо, а сзади зачесаны в косу. Одета она в белое

³⁴ Литвинский, Мухитдинов, Античное городище Саксанохур, стр. 167 сл., рис. 7, 8; И. Т. Кругликова, В. И. Сараниди, Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий, СА, 1971, № 4, стр. 164, рис. 5. Амулет из Дальверзин-тепе — из раскопок УзИскЭ 1971 г. (не опубликован).

³⁵ Пугаченкова, Скульптура Халчаяна, рис. 142.

³⁶ Darmstetter, Le Zend-Avesta, vol. II, P., 1892, стр. 600 сл.

³⁷ N. S. Nuberger, Die Religionen der alten Iran, Lpz, 1938, стр. 262.

³⁸ Г. А. Пугаченкова, К изучению памятников Северной Бактрии, ОНУ, 1968, № 8, стр. 36.

³⁹ Археологические исследования Узбеккистанской искусствоведческой экспедиции под общим научным руководством Г. А. Пугаченковой. Раскопки упоминаемых ниже объектов ведутся на ДТ-7 Ж. В. Ртвеладзе, ДТ-2 и ДТ-6 — Б. Тургуновым, ДТ-5 — Т. В. Беляевой.

складчатое платье и поленную красную мантию поверх него. Рядом, на плоскости стены была нанесена живописная сцена, выполненная в очень экспрессивной манере: чернородый мужчина и молодые женщины придерживают в воздетых руках по младенцу в колпачке и белой рубашечке; видимо, это жрец и жрицы, творящие обряд — не случайно у одной из жриц на руке браслет-змейка, в поле другого фрагмента также змейка. Семантика всей композиции, очевидно, связана с почитанием великой богини Ардохшо, покровительницы домашнего очага, благоденствия, деторождения, к которой служители ее культа простирают за благословением малых детей.

Помимо этой сцены, материалы других археологических вскрытий на Дальверзинтепе позволяют ныне говорить о видной роли в Бактрии культа домашнего очага. В том же доме ДТ-7 в двух комнатах оказались нишки явно не бытового, а ритуального назначения. Обе — с невысокой выдвинутой приступкой. Одна нишка — подковообразная в плане и с рельефным, овальным архивольтом, переходящим у основания в округлые лашы; вогнутая поверхность ее закончена, но на пьедестале ни золы, ни законченности нет — здесь, очевидно, располагались подставки для возжигания огня, или курильницы. Вторая — овальная в плане и перекрыта конховым полукуполком, оформленным орнаментальной полосой. Ниша фланкирована на углах колонками с колоколовидными капителями и имеет посередине прямоугольный выступ, вероятно, для установки вотивных предметов или светильников.

В жилом доме рядового горожанина (ДТ-2) в центральном помещении посередине устроен приподнятый на пьедестале небольшой подковообразный жертвенник с обгорелым подом, а рядом — глинобитная тумба для установки на ней предметов.

В главном зале обширного жилого дома ДТ-6 выявлено каменное квадратное основание, видимо, вымостка под располагавшимся здесь, но не сохранившимся сырцовым алтарем, а в одной из изолированных комнат — овальная ниша с приступкой, покрытая тонким слоем пепла.

В центральной части другого крупного, многоквартирного, богатого жилого дома ДТ-5 имеется продолговатый, изолированный зал, попасть в который можно было лишь из обводного коридора через два боковых прохода. Между ними, в центре стены — высокая овальная ниша с выступающим пьедесталом, на котором устроена круглая ямка, она заполнена пеплом, а ниша сверху закопчена. Вдоль противоположной стены тянется невысокая суфа для сиденья и устроен род глинобитной тумбы для установки каких-то предметов. В углу помещения обнаружена упомянутая выше статуэтка-амулет, передающая архаизирующий образ богини, и монета Канишки. Зал, несомненно, являл собой род домашней молельни, где семья собиралась свершать обряды в положенные часы.

Традиция устройства небольших домашних алтарей или жертвенников имеет в Бактрии еще докушанскую основу. Примечательно в этом отношении дворцовое здание греко-бактрийского времени в Саксанохуре (Южный Таджикистан). Оно включает обширный двор, обведенный коридором и многочисленными помещениями, в пяти из которых оказались невысокие жертвенники — пристенные или вынесенные внутрь комнаты. Четыре из них квадратные, сложены из сырца и имеют посередине круглое, сильно окаленное углубление, пятый — округлый, глинобитный, также с цилиндрическим углублением. В одном из помещений с жертвенником вдоль стены тянется суфа⁴⁰.

Независимо от формы и местоположения жертвенников (в нише или на выдвинутом пьедестале) примечательно устройство их в зданиях жилого назначения, будь ли то

⁴⁰ Литвинский, Мухитдинов, Античное городище Саксанохур, стр. 163 сл. Исследователи Саксанохура определяют вскрытое ими здание как дворцово-храмовый комплекс. Основные аргументы — обводной коридор, считающийся по традиции характерным для храмовых построек, и жертвенники. Однако система планировки помещений в обводном кулуаре присуща и административно-дворцовому зданию, и жилому дому греко-бактрийского времени в Ай-Ханум (см. Веганд, *Campragne de fouilles 1969...*, стр. 317), и жилым домам кушанского периода на Дальверзинтепе, в которых, как показано, обязательны домашние жертвенники. Думается, что в Саксанохуре вскрыт именно дворец, но в нем, разумеется, могла быть особая изолированная домовая молельня.

дворец Саксанохура или дома на Дальверзин-тепе. В этом свидетельство популярности среди населения бактрийских городов интимного культа тех почитаемых божеств, которые рассматривались как покровители семейного благополучия, ниспосылавшие благодать на дом и семью.

Существовали в Бактрии и иные народные культы и связанные с ними обряды и празднества. В числе их местные культы дионисийского характера, засвидетельствованные в халчаянской скульптуре и изделиях бактрийской коропластики⁴¹.

В составе бактрийских терракот имеются статуэтка и матрица из Дальверзин-тепе, изображающие женщин с музыкальными инструментами в руках: одна, сидя, играет на угловой арфе, другая, стоя, — на лютне⁴². Они дают новый материал к истории музыкальной культуры Бактрии, уже засвидетельствованной горельефной глиняной скульптурой из Халчаяна⁴³ и каменной из Айртама⁴⁴. Но если в отношении Айртамского фриза высказывалось отождествление статуи с Панча-Махашабда — пятью великими звуками индо-буддийской мифологии, то дальверзинские фигурки всеми своими изобразительными деталями связаны не с буддийскими, а с бактрийским искусством и с каким-то собственным мифологическим циклом. Они свидетельствуют о существовании собственных Полигимнии и Талии — богинь-покровительниц музыки (исполнителями на музыкальных инструментах в Бактрии были преимущественно женщины).

К проблеме идеологии Бактрии имеет прямое отношение погребальная обрядность. Археологические данные свидетельствуют, что она была далеко не единообразна и в этом безусловное отражение сосуществования, а иногда и смены разных этнических групп населения со своими особыми верованиями и соответственно погребальными обычаями и обрядами.

Приведем краткую характеристику основных типов погребений античного времени, выявленных к настоящему времени советскими археологами в Северной Бактрии⁴⁵.

1. Осуарное захоронение костных останков обнаружено в Халчаяне в стратиграфическом слое греко-бактрийского времени (III—II вв. до н. э.)⁴⁶. Здесь оказался покрытый крышкой хум, в котором было уложено несколько костей и дефектный череп. Таким образом, погребальный обряд, очевидно, был выполнен в соответствии с правилами, изложенными в Авесте, согласно которым труп выставлялся вдали от населенных мест и обгладывался хищными птицами или собаками-трупоедами, после чего очищенные костные останки помещали в костехранилище. По Онескриту, бактрийцы выбрасывали на съедение псам-погребателям даже живых стариков, но при Александре обычай этот был отменен (Pomr. Trog., Hist. Phil. XI). Страбон же сообщает (XI, 11, 3), что внутри стен главного бактрийского города «большая часть переполнена человеческими костями», и в этом прямое свидетельство древнего принципа сохранения костных останков, очевидно, по авестийскому ритуалу.

2. Три обширных могильника со сходным характером погребений и сопровождающим инвентарем при некотором лишь отличии в деталях устройства могил, были открыты близ Гиссара (Тупхана)⁴⁷, в Бишкекской долине (Тулхар)⁴⁸ и у городища Айртэм, расположенного на побережье Амударьи⁴⁹. Общим для них является устрой-

⁴¹ Подробнее о бактрийском дионисизме см. П у г а ч е н к о в а, Скульптура Халчаяна, стр. 34 сл., 107 сл.

⁴² Находки УзИскЭ (не опубликованы).

⁴³ Г. А. П у г а ч е н к о в а, Девушка с лютней в скульптуре Халчаяна, в кн. «Культура античного мира», М., 1966, стр. 214 сл.; о н а ж е, Халчаян, стр. 182 сл.

⁴⁴ М а с с о н, Скульптура Айртама, стр. 129 сл.; Т р е в е р, Памятники..., стр. 149 сл.

⁴⁵ В Южной Бактрии — на территории афганского Туркестана — вскрытия древних могил пока не производились.

⁴⁶ П у г а ч е н к о в а, Халчаян, стр. 33 сл., 242 сл.

⁴⁷ М. М. Д љ я к о н о в, Работы Кафирниганского отряда, МИА, № 15, 1950, стр. 154 сл.

⁴⁸ А. М. М а н д е л ь ш т а м, Кочевники на пути в Индию, МИА, № 136, 1966.

⁴⁹ Б. А. Т у р г у н о в, Айртамский могильник, ОНУ, 1968, № 8, стр. 50 сл. Исследователю могильника удалось вскрыть его лишь на небольшой площади, так как в основном территория возделана здесь под хлопок.

ство грунтовых могил, вырытых в лёссе. Форма могил в основном удлиненно-прямоугольная, иногда с небольшим округлением углов (Тулхар), иногда почти овальная (Тупхана). Ориентация Север — Юг со склонением не свыше 20° север-северо-запад — юг-юго-восток. В Тулхаре преобладают могилы с подбоем, вход в который заложён камнями⁵⁰; в Айртаме могилы и с подбоем (иногда прикрытым в один ряд сырцом) и без него. В Тупхане стенки грунтовой ямы бывают обложены сырцовым кирпичом. Вверху устраивалась глиняная могильная насыпь; в Тулхаре она иногда имела покрытие из камней. Все погребения одиночные и выполнены по одному обряду: покойник укладывался на спине, обычно головой на север, руки вытянуты вдоль туловища; в одной из могил Айртама обе руки сложены у пояса. В Тулхаре и в Айртаме во всех, а в Тупхане в большинстве могил имеется сопровождающий инвентарь. Для него характерны общие типы керамических сосудов (от одного до трех): изящный бокал (он почти обязателен), горшок, одноручечный кувшин, миска, чаша, изредка дорожная фляга; в детские погребения укладывался поильничек-соска. Сосуды располагают преимущественно в изголовье, но также у бедра и в ногах. Среди другого инвентаря встречаются разного рода украшения (кольца, бусы, серьги, металлические детали поясов). В мужских погребениях Тулхара и Айртама нередко оружие — кинжал, меч, стрелы; в Тупхане его нет, но это лишь отражает какие-то сословные, а не культовые отличия. В тулхарских могилах встречены остатки ритуальной пищи, в частности бараньи кости.

Исключительный интерес представляют захоронения, где во рту покойников оказались серебряные монетки. В пяти могилах Тупханы и в четырех Тулхара, это были оболы из группы «варварских подражаний» чекану Евкратида, а в пятом тулхарском погребении — монетка Герая. Монеты эти имеют важное значение не только потому, что вкпе со всем комплексом находок определяют датировку всех трех могильников пределами от конца II в. до н. э. и до начала I в. н. э., но и как интереснейшая деталь погребального обряда, явно связанная с греческой традицией «выкупа Харону». По-видимому, именно греками она была занесена в Бактрию, хотя и не стала обязательным элементом погребального ритуала. Сам погребальный обряд отображает древние анимистические верования, которые предписывали снабжение усопших предметами, сопровождавшими их в жизни: сосудами для пищи, воды и праздничного напитка, оружием (для мужчин), украшениями (для женщин), соской (для ребенка). Его характер противоречит концепции зороастризма и явно связан с иными культовыми воззрениями.

3. Погребения в камерах. Таковы два погребения из Душанбинского некрополя античного времени⁵¹. Оба прямоугольны в плане, вымощены одинаковым по размеру жженым кирпичем, ориентированы с севера на юг. Одно из них обложено по стенкам крупными белокаменными плитами, поставленными на ребро, и имеет двускатное перекрытие из подобных же плит, костяк уложен на спине, на юг головой, возле которой оказалась круглая золотая бляшка. Во второй могиле сохранилась такая же бляшка, бронзовое зеркало с рукояткой и фрагмент сосуда. Примерная датировка этих погребений — первые века нашей эры. Быть может, они являют локальную разновидность топкалинских, где также встречается обкладка могил, но иным материалом — сырцовым кирпичем.

4. Захоронения в хумах. Несколько погребений в хумах, игравших роль гроба, куда закладывался труп, обнаружено в упомянутом Душанбинском некрополе, причем на венчике одного из хумов оказалась надпись несколько искаженными буквами греческого письма⁵². Хумы лежали на боку, горловина иногда была прикрыта жженым

⁵⁰ В Тулхаре имеется также небольшой процент могил с обложенным и закрытым плитами «каменным ящиком» на дне, но обряд захоронения и инвентарь их те же, что в остальных.

⁵¹ См. Б. А. Литвинский, Э. Гулямова и Т. И. Зеймалъ Работы по сбору материалов для составления археологической карты, в кн. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 году», вып. IV, Сталинабад, 1959, стр. 133 сл.

⁵² В. А. Лившиц, Тохарская надпись на хуме, «Доклады АН ТаджССР», вып. 7, 1953, стр. 23.

кирпичем, костные останки одного из них определены как принадлежащие мужчине⁵³. Аналогичное захоронение в хуме, лежавшем на боку и прикрытом кирпичом обнаружено в Тупхане⁵⁴. В Тулхарском могильнике в подбое одной из могил оказался хум с костяком ребенка⁵⁵. Одинокое детское захоронение в хуме обнаружено к югу от Дальверзин-тепе⁵⁶. Датировки всех этих захоронений восходят к античной эпохе, но требуют еще дальнейших уточнений. Несмотря на кажущуюся общность, перечисленные хумные погребения радикально отличны от халчаянского хума с костными останками: там оссуарный обряд, здесь захоронение трупа, связанное с какими-то совершенно иными культовыми представлениями.

5. Погребения в крупных терракотовых саркофагах. Как правило, они одиночные; единственное нетронутое погребение обнаружено на Дальверзин-тепе⁵⁷, остальные в Тупхане⁵⁸, Пахраабаде⁵⁹ и Джумалаяк-тепе⁶⁰ оказались в выбросах. Дальверзинский саркофаг составлен из двух овальных половин, опущенных в грунт небольшого естественного холма. Ориентирован он с запада на восток, покойный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. У изголовья и по бокам саркофага было по сосуду — два изящных бокала и полусферическая чашка. Аналогии таким погребениям дают ближневосточные парфянские захоронения в терракотовых гробах I — начала III в. (Селевкия-на-Тигре⁶¹, Дюра-Европос⁶², Сузы⁶³), но там сопровождающих сосудов нет. Возможно, что они составляли специфику восточнопарфянских погребальных обрядов, которые пока почти неизвестны. Одинокое же погребение в терракотовых саркофагах из Северной Бактрии принадлежали, вероятно, прожитавшим и скончавшимся на чужбине парфянским купцам, похороненным в соответствии с родовыми обрядами.

Описанные группы погребений, обнаруженные к настоящему времени на территории Северной Бактрии, вероятно, не исчерпывают существовавших здесь видов захоронений⁶⁴. Но и они уже свидетельствуют о разнообразии заупокойных культов, распространенных в этнически пестрой среде местного и пришлого населения.

Наш обзор, разумеется, далеко не исчерпывает проблемы культовой идеологии античной Бактрии. Пока это лишь пунктиры той сложной картины, воссоздать которую еще невозможно. И все же общий вклад археологии за последнюю четверть века настолько продвинул познание предмета, что уже сейчас вырисовываются роль и соперничество здесь ряда великих религий древности, сосуществование различных локальных культов, появление, сплетение и смена сакральных образов и обрядов, связанных с кругом авестийских, эллинических, индийских, скифских и народных бактрийских верований и представлений.

Г. А. Пугаченкова

⁵³ Литвинский, Гулямова и Зеймаль, *ук. соч.*, стр. 134 сл.

⁵⁴ Там же, стр. 139 (раскопки В. Р. Чейлытко в 1941 г.).

⁵⁵ Манделштам, *ук. соч.*, стр. 83.

⁵⁶ Погребение обследовано Б. Тургуновым в 1970 г.

⁵⁷ Пугаченкова, Новое в изучении Дальверзин-тепе, стр. 201 сл.

⁵⁸ Дьяконов, *ук. соч.*, стр. 167 сл.

⁵⁹ Б. А. Литвинский, Новые материалы по археологии Таджикистана, КСИМК, вып. 55, 1954, стр. 144; Б. А. Литвинский, Т. М. Зеймаль, Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты, «Известия АН ТаджССР», т. ХСІ, 1959, стр. 130.

⁶⁰ Альбаум, Балалык-тепе, стр. 212.

⁶¹ М. С. Саваллеро, The Excavations at Ghoche, «Mesopotamia», II, Torino, 1967, стр. 54 сл.

⁶² M. T. Oll, The Necropolis. The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Ninth Season of Work, II, New Haven, 1946, стр. 95 сл.

⁶³ R. G. Hirschman, Les fouilles de Suse 1946—1961, «Revue des arts», III, 1951, стр. 188.

⁶⁴ Так, например, в Тулхарском могильнике отмечено погребение по обряду трупожжения (Манделштам, *ук. соч.*, стр. 25, 81). Возможно, оно принадлежало местному буддисту.

ARCHAEOLOGICAL LIGHT ON BACTRIAN CULTS

by G. A. Pugachenkova

In the absence of written records modern ideas about religious beliefs in ancient Bactria have come mainly from Graeco-Bactrian and Kushan numismatic data. Recent archaeological investigations on the territory of Bactria have considerably enlarged these ideas.

In court circles of the Graeco-Bactrian period Greek and some Near Eastern cults received official recognition, but among the population the more persistent local cults remained predominant through the centuries, in particular those connected with the Avesta pantheon. From the time of the Sacian and Yueh-Tchi incursions the ancestor worship of the steppe people, symbolised by the figure of the hero-horseman, found recognition in Bactria. Under the Kushans a dynastic cult of the ruling house was established. Buddhism began to penetrate into Bactria with the conquest of India. The local cults of the Great Bactrian Goddesses remained very strong, among them especially the worship of Ardokhsho. In everyday life the cult of the hearth held a strong position. Among other popular cults was a local form of Dionysus worship with its rites and celebrations. Funeral ritual in Bactria is represented by earth-burials (in various arrangements), burial in terracotta sarcophagi, usually accompanied by grave inventory; ossuary burial is also found, and occasionally cremation.

In sum, archaeological investigation has revealed that several of the great religions of antiquity contended for popularity in Bactria; it has also brought to light the coexistence of different local cults and the appearance, intermixture and alternation with one another of iconographical and ritual elements deriving from Avestan, Greek, Indian, Scythian and local Bactrian belief and ideas.